Молодой актёр и режиссёр Руслан Нанава, недавний выпускник курса Семёна Спивака, более ранними постановками уже доказал, что не ищет проторённых путей. Обладая собственным видением сценического пространства, он не побоялся поместить героев одноактной пьесы Людмилы Петрушевской, поставленной в театральных студиях и театрах бессчётное количество раз, на арену заброшенного цирка. Камерная сцена предполагает лаконичность. Поверхность манежа засыпана опилками, и здесь находятся всего два предмета: небольшой шар и огромный чемодан. Прямая отсылка к шедевру Пикассо «Девочка на шаре» прочитывается сразу, даже если вы не успели купить программку, на лицевой стороне которой изображена репродукция картины. Шар изображает самого себя, а чемодан – конечно, куб. Таковы и герои. Она, ловко балансирующая, тонкая, изящная, и Он – отчасти мужлан, весь состоящий из углов и прямых линий.

Немного затянутое вступление, когда герои держат длинную паузу (у Петрушевской действительно пьеса начинается с реплики: «... некоторое время они молчат») вознаграждается изумительной игрой актёров. Алексей Манцыгин, сыгравший Толю, точно не говорит так в жизни: рублеными фразами, словно мысленно подбирая приличные слова. Впрочем, его искусственный смех, когда он рассказывает пошловатую историю про выкопанные кем-то на кладбище и проданные потом немецкие сапоги, говорит о том, что он понимает, как неотёсан.

Актриса Ольга Корчагина (Света) настолько вживается в образ вышедшей от отчаяния, лишь бы не оставаться одной, замуж за угловатого Толю, и в то же время испытывающей сложные чувства, говорящие о начале влюблённости – ревность и оскорблённое чувство достоинства, – что плачет в финале настоящими слезами, выходя на поклоны с размазанной под глазами тушью.

У Петрушевской «всё действие идёт вокруг большого стола», у Нанавы герои в момент наибольшего накала страстей начинают бегать, каждый в свою сторону, по барьеру манежа. Этакий бег по кругу. Толя и Света с многочисленными повторами выясняют отношения, и кажется, что они слишком разные, чтобы быть вместе, однако – прекрасная находка режиссёра – в какой-то момент Толя пробует, взгромоздившись на слишком маленький для его массивной фигуры шар, поймать равновесие, а Света присаживается на чемодан. Почувствовать себя в шкуре другого. Начало компромисса, без которого не сможет состояться ни одна семейная пара. И ведь Нанава не отступает от замысла драматурга. Петрушевская одной фразой, как она умеет, даёт понять читателю и зрителю, что у этих двоих есть будущее. На Светин упрёк, что новоиспечённый муж умудрился повздорить с официанткой, не пожелавшей немедленно усадить их за столик в ресторане, Толя отвечает фразой, производящей – так у автора – «какое-то действие, которое вполне можно назвать как бы звуком лопнувшей струны»: «У тебя ведь нога стёртая».

В финале Нанава, не отвергающий трёх канонов драматургии, сформулированных ещё Аристотелем – единства времени, места, действия – всё же вырывает героев из замкнутого круга, в который они загнали сами себя. Режиссёр обманывает и время, и место, и действие, используя третье измерение закольцованного до тех пор пространства. Героев поднимают в воздух на некоем подобии трапеции, и они преображаются, сняв, наконец, бутафорские клоунские носы.

Из ковёрных клоунов – в воздушных гимнастов, парящих над собственными страхами, бытовыми неудобствами, косной речью и неопытностью. А если сделать ещё более дерзкое сравнение, то взрослеют, взмывая не из циркового, а из детского манежа под купол целого мира по имени Любовь.

Июль 2019 года. Санкт-Петербург